

OLGA V VELES

ТЕЖИ НА КАРТЕ

Olga Veles

Тени на карте

<https://litres.ru/74689032>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть маршруты, которых нет на карте. И есть адреса, которые не стоит искать дважды.

В сборнике «Тени на карте» Olga V. Veles сплетает мистику и детективную интригу: герои пытаются разобраться в странных совпадениях, найти логику в необъяснимом, но чем больше узнают, тем яснее становится: город сам ведёт учёт и сам решает, кого вписать в свои списки.

Красные точки на схеме, документы с размытым текстом, следы, ведущие в никуда — всё это кусочки одной большой тайны, которую лучше было не собирать.

Если любишь истории, где каждая деталь имеет значение, а финал заставляет по-новому взглянуть на привычную карту города — это твой цикл.

Olga V. Veles

Тени на карте

ТЕНИ НА КАРТЕ.

Ольга В. Велес.

Роман в десяти историях.

От автора.

Эта книга выросла из одной мысли: у каждого места есть своя тень. Не та, что падает от солнца, а другая — тень его памяти. Мы ходим по земле, которая всё помнит: каждый удар кирки, каждый крик, каждое невыполненное обещание. И иногда эта память проступает наружу — в звуках, которых не должно быть, в окнах, выходящих не туда, в цифрах, которые не сходятся.

Десять историй в этой книге — десять мест на карте, которая есть не во всех атласах. Они не связаны сюжетно, но связаны глубже сюжета: все герои сталкиваются с тем, что мир чуть-чуть сдвинулся относительно самого себя. И каждому из них придётся решить: бежать, бороться или остаться и сказать главное — «я помню».

Оглавление.

Общий пролог.

Тени на карте.

История первая. Дом, который не стоит на фундаменте.

История вторая. Мост, который помнит шаги.

История третья. Колодец, который говорит шёпотом.

История четвёртая. Аптека, где продают не лекарства.

История пятая. Тропа, которая выбирает путника.

История шестая. Часы, которые идут назад.

История седьмая. Окно, которое смотрит в другой город.

История восьмая. Книга, которая пишет сама.

История девятая. Зеркало, которое не отражает.

История десятая. Карта, которая ведёт не туда.

Послесловие.

Общий пролог. Тени на карте.

Кирилл работал в областной библиотеке двадцать один год и думал, что знает её подвал наизусть. Двенадцать стеллажей, запах плесени и типографской краски, лампа с мигающим патроном. Здесь хранили то, что не хотели выбрасывать, но и показывать не хотелось.

Карту он нашёл случайно. Она лежала в папке с инвентарными описями, между списком утилизированной литературы и запиской бухгалтерии из восьмидесятых годов. Плотная бумага, потемневшая по краям, аккуратный чертёжный почерк — и при этом что-то неуловимо неправильное.

Сначала Кирилл не понял, что именно его смущает. Он развернул карту на столе, прижал уголки банкой с карандашами и стал сверять названия. Дороги совпадали. Реки совпадали. Совпадали имена сёл — Липовка, Залесье, Дубки. Но между ними, там, где на современной карте стоят пустые поля и вырубки, составитель нанёс дополнительные знаки.

У каждого — короткая пометка, написанная с нажимом, так что бумага местами продавлена. «Не ходи». «Не смотри». «Не зови». И ещё — тонкие линии, едва заметные, будто проведённые обугленной палочкой. Они соединяли эти места между собой, словно кто-то нанёс на карту не дороги, а шрамы.

Кирилл достал свой рабочий блокнот и записал: «Карта показывает не землю. Она показывает границы между тем, что можно увидеть, и тем, что лучше не замечать». Он ещё не знал, что линия, начавшаяся на этой карте, уже подходит к его собственной жизни. И что у каждой тени, отмеченной на ней, есть своя история.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ.

Дом, который не стоит на фундаменте.

Глава 1. Заказ.

Настя получила письмо от краеведческого музея в конце сентября. Короткое, вежливое: в деревне Липовка умерла местная жительница, Прасковья Семёновна, и завещала музею старинный шкаф ручной работы. Задача реставратора — осмотреть, оценить состояние и организовать вывоз.

Липовка была в четырёх часах езды, и последние сорок минут автобус полз по грунтовке мимо полей, которые уже выгорели и потемнели, готовясь к зиме. Настя смотрела в окно и чувствовала, как город отстаёт от неё с каждой верстой — вместе с пробками, дедлайнами и звонками, которые доедут сюда только в том случае, если будет связь. Ей было

двадцать семь лет. Небольшого роста, узкоплечая, с тёмными волосами, которые она всегда стягивала в низкий пучок — потому что стружка и лаковая пыль так меньше липнут к волосам. Руки у неё были в мелких царапинах, как у человека, который работает с деревом не в перчатках, а на ощупь. На ней был рабочий комбинезон цвета хаки, под ним — выцветшая кофта, на ногах — тяжёлые ботинки с наклеенной на носок пластырем заплаткой. Настя разговаривала мало и слушала много — сначала, как она сама говорила, а потом уже из привычки.

Деревня встретила её тишиной и запахом догорающих топлей: кто-то сжигал ветки, и дым стелился по низине, придавая всему виду серость, похожую на старую фотографию. Дома здесь были невысокие, рубленые, с занавешенными окнами. И только один дом стоял в отдалении, на краю леса. Дом был большим, срубным, с резными наличниками — из тех, на которые в средней полосе молча смотрят и молча проходят мимо. Но у Насти, которая двадцать лет видела старое дерево, взгляд зацепился сразу. Дом был наклонён. Не заметно на первый взгляд — но и не ровно. Он как будто чуть-чуть кланялся в сторону леса.

Глава 2. Хозяйка.

Дверь открыла пожилая женщина. Прасковьи Семёновны в живых не было — жива была её младшая сестра, Аграфена, семидесяти пяти лет, невысокая, круглолицая, с седыми волосами под платком и с голосом, от которого хотелось го-

ворить тише. В её лице не было ни слабости, ни трагической глубины — только спокойное внимание, как у человека, который давно разобрался с главными вопросами и остальное не считает важным.

— Про шкаф вы, — сказала она, не спросив. — Проходите. Только, милости прошу, не спешите. Тут всё не спеша делается. Внутри пахло сыростью, старым лаком и сушёными травами. Настя вошла в горницу и сразу почувствовала то, что чувствуют только профессионалы: пол здесь был не тот. Не неровный — полы бывают неровными везде, — а как будто чуть-чуть несогласный с самим собой. Будто доски лежали на своих местах, но между собой немного спорили. Она вытащила рулетку и повела по полу.

— Вы ещё не смотрите, — тихо сказала Аграфена. Она стояла у окна, сложив руки. — Вы сначала постоитте. Привыкните. Настя остановилась. И когда через минуту она снова провела рулетку — от стены до двери, — цифры сошлись так, как должны были сходиться. Шкаф стоял в дальней комнате. Тёмный дуб, резьба в виде виноградной лозы, латунные петли, потемневшие до цвета старого мёда. Настя обошла его по кругу и постучала по боковой стенке — звук был глухой, но живой. Хорошее дерево. Мало того: это была работа очень хорошего мастера, редкая для этих мест.

— Он же уедет, — сказала Аграфена в спину. — Вы увезёте его в ваш музей, и всё. — Он завещан музею, — осторожно ответила Настя. — Я не про завещание, — сказала ста-

рушка. — Я про то, что он тут стоит. И дом тут стоит. Вы подумайте, что за дом перед вами, а потом уже работайте.— Что вы имеете в виду?

Аграфена повернулась к ней. У неё было лицо человека, который несёт весть, но не хочет её подавать горячий.— Дом этот не на фундаменте стоит, — сказала она. — Вы отвернитесь, посмотрите на него с улицы. Он в лес кланяется. А теперь зайдите и померьте: снаружи от крыльца до забора пять метров, а внутри — шесть с половиной. Я в детстве ещё померила, первый раз. Шестьдесят пять сантиметров лишних внутри, всю жизнь. Ни крыша не едет, ни стены не трещат. Он не на земле стоит. Он на памяти стоит. Кто помнит — тот и видит его правильно.

Глава 3. Ночь в доме.

Настя не поверила — но не смогла и уйти. Ладно, подумала она: старый дом, старые пропорции, старушка с манерами рассказчицы. Но она осталась до утра, чтобы снять замеры при дневном свете и осмотреть шкаф на вывоз.

Аграфена отвела ей комнату напротив шкафа, постелила чистое бельё с запахом ландышей и сказала на ночь:— Если услышите ночью что-то — не пугайтесь. Он не делает зла. Он просто перекладывает то, что хочет хранить. Ночь была длинной. Настя не спала почти до трёх, потом уснула поверх одеяла, не сняв ботинок. А когда проснулась оттого, что в доме стало тихо-тихо, первая мысль была о свете: за окном горела луна, и в её свете комната казалась вшитой в белую

бумагу.

Шкаф не был там, где она его оставила. Он стоял у стены напротив — там, где днём стоял сундук. Сундук, в свою очередь, отодвинулся в угол. Настя сидела неподвижно, слушая, как стучит сердце, и вспомнила, что старушка предупреждала. Потом встала, подошла и провела рукой по резной дверце. Дуб был холодный, как и положено. На внутренней стороне одной из дверок, там, где в старой мебели обычно прячут клеймо мастера, проступали буквы. Не вырезанные и не выжженные — проступающие, будто из самой древесины: тёмные волокна складывались в слова. «Не уноси то, что держит стены».

Глава 4. Пять и шесть.

Утром Настя вышла во двор и посмотрела на дом от забора. Он действительно кланялся лесу — очень немного, ровно настолько, чтобы заметить, если смотреть с определённого места. Она зашла внутрь и померила: от крыльца до противоположной стены — шесть с половиной метров. Вышла наружу и померила тот же пролёт по фасаду — пять ровно. Потом она открыла карту на телефоне, наложила контуры здания, чтобы рассчитать площадь, — и геометрия дома просто не закрылась. Чертёж не сходился в замкнутую фигуру, будто одной стены не хватало, будто дом внутри был больше, чем снаружи, ровно на шестьдесят пять сантиметров, о которых говорила Аграфена.

— Он не кланяется, — сказала Настя за чаем. — Он внут-

ри больше. Он врос в свою память. Аграфена кивнула, будто Настя произнесла что-то давно известное. — Тётя Прасковья до войны работала здесь учительницей, — сказала она. — У неё в этом шкафу хранились детские тетрадки. Письма. И одно фото. Когда её не стало, тетрадки я отдала в музей, а фото она просила оставить в шкафу. Я так и сделала. Думаете, почему шкаф до сих пор пахнет лаком? Он сам себя держит. Дерево, в котором лежит память, не стареет так, как положено. Оно стареет, как хочет.

— Значит, если я увезу шкаф, — медленно сказала Настя, — дом лишится того, что его держит? — Дом осядет, — просто ответила старушка. — Не рухнет, нет. Просто станет домом. Обычным. Сквозным. Пустым.

Глава 5. Решение.

Настя позвонила в музей, и разговор вышел долгим: замеры не сходятся, документы на вывоз оформлены, что ей мешает? Она не могла объяснить. Сказала, что нужно прислать специалиста по краеведению. Сказала, что объект требует дополнительного изучения. Сказала всё, кроме правды.

А вечером она взяла рулетку и снова прошла по дому. Пять и шесть. Потом ещё раз. Потом подошла к шкафу, открыла створку и заглянула за заднюю стенку — там, в пыльном углу, лежала фотография. Дети у школы, солнечный день, чёрно-белая печать. Внизу — подпись карандашом: «В наш класс, с любовью. Прасковья. 1948 г.» Настя положила фото обратно, задвинула створку и стояла так, положив ла-

донь на тёплый — неожиданно тёплый — дуб.

— Я поняла, — тихо сказала она. — Останешься. В эту ночь она спала глубоко и без снов. Утром дом смотрелся ровно. Настя проверяла со всех сторон — тень падала так, как положено тени, фасад стоял перпендикулярно забору. Внутри всё ещё было шесть с половиной метров. Но теперь это было не несовпадение. Это была глубина.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ.

Мост, который помнит шаги.

Глава 1. Акт о демонтаже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.